

«ЛУКАВАЯ ЦИФРА»: 30 ЛЕТ СПУСТЯ¹

Ханин Григорий Исаакович,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
khanin@yandex.ru*

Светлой памяти Василия Селюнина посвящается.

Аннотация

Статья сочетает исследования государственной статистики СССР и РФ и воспоминания о реакции общества на работы автора и его коллег по альтернативной оценке макроэкономических показателей экономики СССР и РФ. Статья В. Селюнина и Г. Ханина «Лукавая цифра», вышедшая в февральском номере журнала «Новый мир» в 1987 г., явилась подлинным потрясением для миллионов советских людей. В данной работе автор возвращается к проблеме искажения статистики в советские и постсоветские годы, заостряя внимание на огромных искажениях советской экономической статистикой результатов и факторов экономического развития СССР за 1928–1987 годы. Описывается реакция на «Лукавую цифру» статистической службы, научной общественности и населения СССР, а также зарубежных экономических советологов, Центрального разведывательного управления США. Критикуется оценка дебатов в США вокруг «Лукавой цифры» С.С. Дзарасовым как доказательства правильности оценок ЦСУ СССР.

Автор показывает, что качество экономической статистики в РФ не улучшилось по сравнению с советским периодом, а по стоимости и динамике основных фондов, натуральным показателям производства, финансовым показателям, по занятости даже значительно ухудшилось. В статье приведены результаты альтернативных оценок экономического развития РФ за период 1992–2015 годов. Автор и его коллеги получили эти оценки по иной методологии, чем аналогичные оценки советского периода. Результаты расчетов последних лет позволяют сделать вывод, что реальные экономические показатели гораздо хуже тех, что опубликованы Росстатом. Это динамика ВВП и продукция отраслей реальной экономики, производительность труда, динамика основных фондов. Анализируется реакция

¹ Данная статья является переработанным и дополненным вариантом воспоминаний автора, частично опубликованных в израильском сетевом журнале «Семь искусств» [10] и в литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Знамя» [11].

статистической службы РФ и исполнительной власти, научно-экономического сообщества, СМИ, населения РФ, западных экономистов и исследовательских центров на исследования автора и его коллег по альтернативным оценкам постсоветского периода. Объясняются причины различия этой реакции во времена СССР и в постсоветский период.

Ключевые слова: экономика СССР, экономика РФ, статистика СССР, статистика РФ, искажения макроэкономической статистики в СССР и РФ.

Библиографическое описание для цитирования:

Ханин Г.И. «Лукавая цифра»: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 139–163. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-139-163.

Эхо «Лукавой цифры»

Статья В. Селюнина и Г. Ханина «Лукавая цифра» [5], вышедшая в февральском номере журнале «Новый мир» в 1987 г., явилась подлинным потрясением для миллионов советских людей. В ней речь шла о фантастических искажениях советской макроэкономической статистики, обнаруженных благодаря альтернативным расчетам несколькими методами (по динамике промышленности, например, шестью методами) с опорой на более или менее достоверные данные о выпуске продукции в натуральном выражении вместо стоимостных показателей, которые могли быстро расти благодаря скрытому росту цен. Наши статистики под давлением власти роста цен «не замечали». Достаточно сказать, что по нашим подсчетам национальный доход СССР за 1928–1987 годы вырос не в 90 раз, как уверяли ЦСУ и вслед за ним советская пропаганда, а в 6,9 раза, или *в 13 раз* меньше. Такого искажения статистики мир еще не знал. Советские люди подозревали махинации статистики, но не в таких грандиозных размерах. Вера в социализм советского образца была этой статьей очень сильно подорвана. Впоследствии многие сторонники советской власти заявляли, что эта статья погубила СССР. Им не приходило в голову, что его погубила многолетняя беспардонная ложь советских руководителей и послушного им ЦСУ СССР. Она была не только безнравственна, но и нерентабельна, ибо порождала многочисленные ошибки в планировании и управлении экономикой. Так, под влиянием официальных данных о быстром росте основных фондов советское руководство в 70-е годы «прозевало» начавшийся инвестиционный кризис. Желая обмануть мир и свое население, советское руководство обманывало и себя.

Конечно, выход статьи стал возможным только благодаря начавшейся перестройке, которая вынесла в главные редакторы «Нового мира» Сергея Павловича Залыгина. Он принял смелое решение публиковать статью, а цензура не решилась ее запретить. Статья открыла дорогу гласности. Стало ясно, что нет тем, свободных от критики.

Прибытие журнала в Новосибирск запаздывало, и я не знал, вышла ли статья. Телефон Селюнина был всё время занят. Только когда я дозвонился, наконец, до Селюнина, я начал осознавать впечатление от статьи в Москве. «Номер вышел 10 дней назад, и телефон раскалится от звонков, звонят целый день, с утра до вечера, без перерыва», – сказал Селюнин.

Своими глазами я увидел эффект статьи в июне, когда на короткий срок приехал в командировку в Москву. Наиболее памятным оказалось выступление на экономическом факультете МГУ. Его организовали мои тогдашние хорошие друзья – доценты Игорь Нит и Павел Медведев (Нит стал помощником Ельцина по экономике в первые годы его президентства, Медведев стал видным деятелем Государственной Думы разных созывов). Выступление было назначено, если память мне не изменяет, на 13 часов. Я приехал заранее, примерно за полчаса. В довольно просторной аудитории уже было некоторое количество слушателей. Оставшееся время использовал для написания на доске весьма объемистой таблицы сопоставления макроэкономических показателей официальной и альтернативной статистики (в статье они не приводились в силу ее популярного характера). Пока писал, аудитория заполнялась. Минут за 10 до назначенного времени появились взволнованные Нит и Медведев и сообщили, что возникли препятствия моему выступлению со стороны партбюро факультета, но они надеются их преодолеть. Аудитория уже была переполнена, многие стояли у стен и сидели на полу в проходах. Наконец, уже через 15–20 минут после 13 часов сообщили, что можно начинать. Ниту и Медведеву удалось сломить сопротивление партбюро [11].

В течение примерно часа я излагал методику расчетов, полученные результаты, разницу с официальными данными и экономические выводы из расчетов. Даже сейчас, через 30 лет, я вижу эту аудиторию, жадно слушающую, и горящие глаза самых молодых. Было множество вопросов. Я часто вспоминал это свое выступление в 1990-е и 2000-е годы, когда мне приходилось излагать альтернативные расчеты относительно российской экономики перед ничтожным количеством слушателей в Новосибирске и Москве. Хотя расчеты по российской экономике были намного труднее, чем по советской, а искажения официальной статистики оказались не меньше, чем в послевоенное советское время.

Впоследствии многие весьма известные ныне экономисты, выпускники экономического факультета МГУ тех лет, говорили мне, какое огромное впечатление на них произвела «Лукавая цифра» и как она сформировала их понимание экономики. Они были, видимо, среди моих слушателей на том выступлении. Среди этих слушателей оказался и стажер экономического факультета МГУ преподаватель Колумбийского университета Ричард Эриксон. Где-то через год мой бывший студент Владимир Конторо-

вич, уехавший в США в конце 70-х годов, прислал мне объемистый доклад Ричарда Эриксона под названием «Ханин против ЦСУ» [16]. В нем излагалась критика советской статистики рядом советских экономистов, но наибольшее внимание уделялось приводившимся в моем докладе в МГУ расчетам. Благодаря Эриксону они стали широко известны среди профессионалов на Западе, прежде всего в США. До этого они судили о них по статье в «Новом мире», которая не содержала необходимых профессионалам деталей. Правда, еще в 1983 году выдающийся английский советолог Алек Ноув «расшифровал» две мои статьи в специализированном и малотиражном журнале и получил некоторые мои оценки по промышленности и основным фондам [17], но всё же и эта статья привлекла внимание лишь ограниченного числа западных советологов.

Ожидаемо наша статья вызвала критику ЦСУ СССР. Сначала весной 1987 года ее назвал клеветнической председатель ЦСУ СССР М.А. Королев [3], затем в ведомственном журнале ЦСУ СССР «Вестник статистики» вышла статья с критикой «Лукавой цифры» [2]. Статья оказалась совершенно непрофессиональной. Я узнал о ее появлении от своей молодой сотрудницы. Страшно расстроенная, она вбежала с журналом в мой кабинет со словами: «Григорий Исаакович, Вас ругают». Бегло пробежав текст и убедившись в его никчемности, я ответил: «Клара, это замечательно, что ругают. Чем больше они будут это делать, тем больше о ней узнают». Потом последовала еще пара статей аналогичного содержания. Мы ответили на критику развернутой статьей в журнале «Новый мир» [6].

Что интересно, критиковали нашу статью практически только статистики, и то по обязанности. Остальные экономисты молчали: то ли были ошеломлены, то ли не разобрались в расчетах. Единственным заметным исключением был бестселлер 1989 года Н. Шмелева и В. Попова «На Переломе» [13], в котором нас много цитировали.

Меня не оставляла мысль о необходимости публикации наших расчетов в полном виде. В то время на это мог решиться только очень влиятельный журнал. Таким в то время был журнал «Коммунист». В нем сменилось руководство, и первым заместителем главного редактора журнала стал старый друг Селюнина Отто Лацис. Я подготовил для журнала статью с той самой таблицей и ее интерпретацией и отправил в журнал, после чего поехал в Израиль к родным, которых не видел много лет. Оттуда позвонил в журнал. Там сказали: «Срочно приезжайте, возникли проблемы с Вашей статьей». Я прервал свою поездку и приехал в Москву. Пришел в редакцию «Коммуниста». Мне сказали, что моей статьей занимается заведующий отделом экономики Гайдар. Это имя мне ничего не говорило. Я зашел к нему. Он меня приветливо встретил и, явно огорченный, попросил убрать таблицу: «ЦСУ будет визжать». Я ответил, что без таблицы статья

не имеет смысла, и предложил пойти к Лацису, надеясь на его поддержку. Лацис, выслушав Гайдара, твердо сказал: «Таблицу оставим». Вскоре статья вышла в первоначальном виде. О Гайдаре я тогда подумал: не орел.

После статьи в «Коммунисте» [7] мы стали неприкосновенными, с «Коммунистом» тогда не принято было спорить. После 1988 года критика статьи в «Вопросах статистики» прекратилась – ЦСУ СССР стало не до нас, в начале 1989 года произошла смена его руководства. Думается, наша «Лукавая цифра» и моя статья в «Коммунисте» сыграли в этом немалую роль. Новый начальник ЦСУ СССР, уважаемый научный работник В.Н. Кириченко, уже в первых выступлениях подверг резкой критике деятельность прежнего руководства за приукрашивание положения дел в экономике. Но перед нами никто из ЦСУ так и не извинился [11].

Осенью 1990 года ЦСУ провело семинар по нашим оценкам с приглашением известных специалистов по статистике. Его вел заведующий отделом М.Р. Эйдельман. Семинар был профессиональным и дружественным. Впоследствии Эйдельман уже в США, куда он вскоре эмигрировал, написал две статьи с альтернативными оценками советской экономики на основе имевшихся у него (намного больших, чем у нас) архивных данных, причем его оценки отличались от официальных даже больше, чем у нас. При всём том у нового руководства ЦСУ СССР не возникло желания с нами познакомиться. Это было не в традициях советской бюрократии: она признавала только номенклатурных ученых своего круга.

Так же поступило руководство и других государственных и партийных органов: ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Госплана СССР. Мы шли своим путем: пример руководителей западных стран, привлекавших к своей деятельности ученых независимо от их официального положения в силу научных заслуг, был нам не нужен. Но так же повела себя и Академия наук СССР, ее отделение экономики. Ведь мы с Селюниным не работали в этой системе и не имели звучных званий. Справедливости ради скажу, что рядовые научные работники Академии вели себя иначе. Не могу забыть, как в годы глухого и, казалось, вечного застоя и маразма ученые Института мировой экономики собирались послушать меня в почти подпольных условиях и горячо обсуждали мой доклад. Но кто тогда считался с рядовыми работниками в этой системе (как и в других)? Ничто в этом отношении не изменилось с усилением влияния критиков КПСС среди экономистов. При составлении программы «500 дней» никому из ее авторов не пришлось в голову обратиться к нам, хотя мы были тогда единственными в СССР с альтернативными оценками экономики, очень важными для определения перспектив экономики при ее уже тогда намечавшейся приватизации. Нравы в СССР мало зависели от политической конъюнктуры. Бюрократы коммунисты и антикоммунисты часто вели себя одинаково.

Реакция на наши работы за рубежом тоже была бурной, хотя, конечно, в других формах и преимущественно среди советологов. После Второй мировой войны интерес к изучению СССР вообще и его экономики в частности на Западе, особенно в США, резко вырос, эти исследования щедро финансировались. Часть советологов, изучающих советскую экономику, занималась и альтернативными оценками макроэкономических показателей советской экономики. Абсурдность оценок ЦСУ СССР была им, конечно, очевидна. Это еще до войны установил крупный западный статистик Колин Кларк и очень простыми методами произвел самостоятельный расчет альтернативной оценки динамики ВВП и основных фондов СССР до войны. Сразу после войны этим занялся бывший советский гражданин, меньшевик и талантливейший экономист Наум Ясный – в отношении динамики ВВП. Обе оценки разительно отличались от данных ЦСУ СССР в сторону уменьшения. После них этими оценками занялись другие группы экономистов в США. Наиболее подробными и тщательными были расчеты Абрама Бергсона из Гарвардского университета. Было немало и других расчетов, особенно по промышленности. С некоторого времени ведущее место в альтернативных расчетах заняло ЦРУ США, использовав методику Абрама Бергсона, но опираясь на огромную статистическую базу и расчеты на ЭВМ. Советские экономисты долго и в целом безуспешно (за исключением критики С.А. Хейнманом оценок по динамике промышленности) критиковали западные оценки.

Американцы очень гордились своими оценками, они оказались монополистами в этом – и вдруг эта монополия была нарушена «Лукавой цифрой» и публикацией ряда моих статей. Много стало им известно благодаря докладу Ричарда Эриксона. Причем оказалось, что наши оценки ниже западных и касались более широкого круга показателей (наиболее важными здесь были расчеты динамики основных фондов). С одной стороны, им это было приятно, так как подтверждало их правоту в многолетней критике СССР и советской статистики. С другой стороны, обидно: два неизвестных экономиста бесплатно и практически вручную выполнили то, что они, особенно ЦРУ США, делали за огромные деньги, используя ЭВМ. Было от чего возбудиться.

Первоначально преобладала положительная и даже восторженная реакция. В марте 1988 года в Гуверовском институте в США состоялась научная конференция по влиянию перестройки на советские военные расходы. В ней приняли участие многие видные американские (и только один швед Андерс Ослунд) советологи-экономисты. Понятно, что тема требовала анализа состояния советской экономики. Большое место в докладах заняли ссылки на наши работы. Я просмотрел именно указатель книги с до-

кладами этой конференции: на нас ссылались больше, чем на всех остальных советских экономистов вместе взятых [9].

Затем от восторгов перешли к осторожной критике. Значимость и ценность наших исследований никем не оспаривались, но Абрам Бергсон подверг сомнению методологию оценок динамики капитальных вложений. Больше всего возражений было со стороны ЦРУ США. Здесь следует иметь в виду, что в то время ЦРУ резко критиковали с разных сторон и по разным поводам. Теперь представилась возможность покритиковать и за экономическую некомпетентность. ЦРУ осенью 1988 года выпустило 100-страничный доклад с критикой некоторых аспектов наших расчетов [15]. Я его вскоре прочитал и был разочарован: авторы нашли у нас мелкие неточности и высказали некоторые сомнения, признали какие-то собственные ошибки, но главные свои ошибки «не заметили». Опровержения не получилось, и так показалось не только нам. Очень влиятельный фонд Heritage Fund провел конференцию по анализу расчетов ЦРУ и пришел к выводу о их недоброкачественности (материалы этой конференции мне не известны). ЦРУ не успокоилось. Провело собственную конференцию, одобрявшую его деятельность в оценке экономического положения СССР. Была сформирована комиссия из пяти экспертов (из них только один был специалистом по экономической статистике), и ЦРУ получило ожидаемую положительную оценку [14]. Я это так подробно и, возможно, скучно описываю, чтобы показать, какую волну подняли наши расчеты в США.

Я почувствовал эту волну во время месячной поездки в США весной 1990 года по приглашению Колумбийского университета, в котором работал Ричард Эриксон. Там встретился с несколькими ведущими советологами. Пришли приглашения от других ведущих советологических центров: Гарварда, Принстона, Пенсильванского университета – на восточном побережье, Стэнфордского и Беркли – на западном, наконец, из «РЭНД Корпорейшн». Везде слушали внимательно и заинтересованно, задавали высокопрофессиональные вопросы по методике расчетов и исходной информации. Многие вопросы возникали из-за того, что еще не вышла моя книга, где всё это подробно разъяснялось. Особенно запомнилось выступление в «РЭНД корпорейшн» – ведущем центре внешнеполитических и оборонных исследований. Огромный зал был переполнен, как в МГУ летом 1987 года. Среди слушателей экономисты-советологи были в незначительном меньшинстве. И было множество вопросов. Все встречи и беседы демонстрировали дружелюбие и высокую оценку наших исследований, научное любопытство и профессионализм. С горечью отмечал разницу в восприятии между советским и американским научно-экономическим сообществом:

безразличное или враждебное в первом случае, уважительное и доброжелательное – во втором².

Поскольку расчеты западных экономистов по альтернативным оценкам советской экономики в глазах многих ученых являются самыми точными, в 1991 году во время работы в институте по изучению СССР и Восточной Европы в Стокгольме я проанализировал эти исследования за много лет и показал, что наряду с большими достижениями в них было и немало недостатков методологического и информационного характера. Особенно подробно я анализировал расчеты ЦРУ и показал их многочисленные изъяны, подчас очень грубые. Эта книга вышла в Новосибирске в 1993 году [8]. Российская экономическая периодика ее замолчала. Откликнулись с положительными отзывами только два выдающихся иностранных знатока советской экономики: уже упоминавшийся Алек Ноув [17] и профессор Амстердамского университета Майкл Эллман. До сих пор в большинстве работ по советской экономике российские экономисты опираются на расчеты ЦРУ США. Их не смущает даже то, что в них вообще отсутствует динамика основных фондов, хотя в наших работах 80-х годов она, пусть и примерная, приводилась. А без нее невозможно понять развитие советской экономики. Есть от чего прийти в отчаяние.

«Лукавая цифра» живет и побеждает

Крушение социализма в СССР и переход к рыночной экономике у многих экономистов и граждан России породили надежду, что с искажениями статистики будет если не покончено, то они хотя бы радикально уменьшатся. Самим предприятиям это вроде теперь ни к чему: они работают не для плана. А власти клялись и божились, что «с проклятым коммунистическим прошлым» в экономической статистике покончено раз и навсегда. Действительность быстро рассеяла эти прекраснодушные мечты. Быстро выяснилось, что российской статистике можно доверять не больше советской, а часто и меньше. Но в соответствии с изменением экономической системы изменился характер искажений, их сферы, мотивы и причины искажений. Они стали более изощренными. Выявить статистическую истину стало намного сложнее.

Начну с того, что в советские времена довольно легко можно было отделить показатели достоверные от недостоверных. К первым относились натуральные показатели всех видов, за исключением сельскохозяйствен-

² Один из ведущих деятелей Пентагона в перерыве советско-американской конференции по советской статистике спросил в присутствии Селюнина, не хочу ли я остаться в США. Отшутился: «Зачем, Селюнин станет премьер-министром, а меня назначит министром финансов». Не жалею. Несмотря на многочисленные служебные и материальные трудности последующих лет, смог заняться гораздо более сложными проблемами российской экономики и вместе с новыми коллегами многого добился в их понимании [11].

ной продукции и автомобильных перевозок. Искажение этих показателей преследовалось в уголовном порядке. Без их достоверности невозможно было управлять командной экономикой. На них она и ориентировалась в планировании и управлении. Теперь они стали в экономическом управлении ненужными, и сочинять можно было что угодно. Мы с этим столкнулись, когда по привычке рассчитывали индекс промышленной продукции в 90-е годы на основе выпуска продукции в натуральном выражении. Оказалось, что производство хлеба сократилось в два раза, чего не может быть, потому что не может быть никогда. Потребление хлеба сокращается в последнюю очередь даже в самые тяжелые времена. Выяснилось, что сократили производство легальные предприятия, но вместо них появились многие тысячи мелких частных хлебопекарен, которые держались в тени. Мне рассказали, как собственник нового и нелегального предприятия по производству стульев в Новосибирской области решил поинтересоваться данными Новосибироблстата об их производстве в области и с удивлением узнал, что он их производит намного больше, чем вся Новосибирская область.

Еще больше занижались рыночные услуги. В конце 90-х годов я спросил у хорошо ко мне относившейся директора парикмахерской, на сколько она в отчетах занижает выручку. Она ответила, что в десять раз. Но были и противоположные явления. Автомобилистам стало бессмысленно накручивать тонно-километры, и сразу после 1990 года статистически фиксируемый объем перевозок в тонно-километрах резко сократился. К счастью, в тяжелой промышленности и на железнодорожном транспорте искажения натуральной статистики оказались незначительными, поскольку теневое производство там или совсем отсутствовало, или было незначительным, и исказить эти показатели было и некому, и незачем. Это нам сильно помогло в расчетах. Особенно мы опирались на почти идеальную статистику по производству электроэнергии и перевозкам грузов железнодорожным транспортом, которые являются важными индикаторами экономической активности. Что касается остальных отраслей, то большую роль в установлении истинной картины сыграли маркетинговые агентства. Мы использовали их данные в своих расчетах по ряду отраслей промышленности.

Долгое время состояние российской статистики внушало мне такой ужас, что я отказывался от альтернативных оценок российской экономики. Только в 1995 году я их возобновил, откликаясь на просьбу одного американского экономиста написать для намечавшегося сборника о российской экономике. Василий Селюнин умер в 1994 году, и мне пришлось для расчетов и написания статей привлечь новых коллег, среди них были Ольга Ивановна Полосова и Наталья Викторовна Иванченко (Копылова), а с на-

чала XXI века Дмитрий Александрович Фомин³. Всем им я бесконечно благодарен. Особенно выдающемуся, на мой взгляд, экономисту и замечательному человеку Дмитрию Фомину, с которым мы сотрудничаем до сих пор.

Благодаря привлечению новых научных работников спектр расчетов и их анализ расширился и охватил новые, ранее не освещавшиеся сферы. В связи с изменением информационной базы в ходе рыночных реформ совершенствовались методы расчетов: от одних пришлось отказаться, другие придумывать заново. Сохранились главные особенности альтернативных оценок – их многовариантность и опора преимущественно на натуральные показатели.

Наши расчеты позволили уточнить многие показатели развития российской экономики. Наиболее сенсационные результаты были получены в отношении объема и динамики основных фондов. С них поэтому и начну. Напомню, что под основными фондами понимается материальная основа производства товаров и услуг: машины, здания и сооружения. От их величины прежде всего зависит объем производства. Следует отметить, что статистика основных фондов – самая сложная область макроэкономической статистики. Известный статистик Колин Кларк писал, что по сравнению со статистикой национального богатства, частью которого являются основные фонды, исчисление ВВП является детской игрушкой. Именно поэтому западные «альтернативщики» советской экономики этим почти не занимались, в отличие от статистики ВВП. Мне известны только две попытки: очень грубый расчет Колина Кларка для первой половины 30-х годов и Пауэлла и Мурстина для периода 1928–1955 годов.

В своих расчетах начала 80-х годов я уделил этой проблеме немалое место и произвел расчеты динамики основных фондов, опираясь на динамику электрических мощностей в промышленности. Это позволило мне установить начало инвестиционного кризиса с конца 70-х годов.

Исследуя корни ошибок в оценке основных фондов, я установил, что они восходят к 1920-м годам. Тогда советская макроэкономическая статистика считалась образцовой, но как раз статистика основных фондов была ошибочной. Я это установил, когда в поисках причин отказа от нэпа занялся этой проблемой. Довольно быстро выяснилось, что стоимость основных фондов занижалась примерно в два раза. По меркам статистики национального богатства это колоссальная ошибка. Поскольку от ее величины зависели расчет динамики основных фондов и рентабельность экономики, оказались ошибочными и они. А так как динамика почти не росла, рен-

³ Никита Суслов из Института экономики РАН убедил меня заняться этими расчетами, и мы с ним написали первую статью с пересчетом макроэкономических показателей российской экономики в 1997 году. На этом наше научное сотрудничество прекратилось.

табельность за вычетом налогов оказалась на нуле. Наиболее проницательные советские руководители уже тогда в душе сомневались во многих макроэкономических показателях, ориентируясь на натуральные. А они (прежде всего по срокам службы) показывали плачевное состояние основных фондов. Выход был такой: либо пойти на поклон к отечественным и иностранным капиталистам и фактически отказаться от существующей социальной системы, либо осуществить ценой колоссальных жертв рывок вперед в рамках существующей системы. Перед таким же историческим выбором стоял СССР в 80-е годы и стоит в настоящее время Россия.

Но продолжу рассказ об истории статистики основных фондов в СССР и в РФ. Руководство ЦСУ не стало затруднять себя сложнейшей задачей переоценки основных фондов по восстановительной стоимости. Для этого, видимо, тогда и не было необходимых финансовых и интеллектуальных ресурсов, да и острой необходимости не было. Это для капиталистических фирм такая оценка необходима для правильного расчета производных экономических показателей, прежде всего прибыли. В управлении командной экономикой без них можно было обходиться, пусть и с потерями. Она ориентировалась преимущественно на натуральные показатели в данной сфере, производственные мощности и их аналоги в непромышленной сфере (квадратные метры жилой площади, число школ и больниц, больничных коек и т. п.). Пусть и с серьезными недостатками, в отдельных отраслях такие переоценки изредка производились, и они неизменно показывали огромное превышение восстановительной стоимости над балансовой. Иного и нельзя было ожидать при огромной инфляции в 30-е и 40-е годы. Что касается всей экономики, подобные переоценки изредка производились в ЦСУ СССР или Госплане СССР по неизвестной методологии и на основе сомнительных исходных данных в ценах 1933 и 1945 гг. Они показывали огромный рост основных фондов, демонстрируя «неоспоримые преимущества» социализма перед «загнивающим капитализмом», но никакой роли в планировании и управлении экономикой эти оценки не играли.

Единственное серьезное практическое неудобство от отсутствия объективной оценки стоимости основных фондов заключалось в невозможности обоснованно определить размер амортизационных отчислений, предназначенных для возмещения морального и физического износа основных фондов. Когда введенные в 30-е годы основные фонды начали стареть, средств для возмещения износа стало не хватать. Вместо дорогостоящей и организационно сложной переоценки основных фондов пошли по более легкому пути: подняли нормы амортизационных отчислений. Тем не менее эта проблема привлекла внимание советских экономистов. Появился и другой повод: многих руководителей ЦСУ СССР в 1937–1938 го-

дах арестовали, и требовались доказательства их вредительской деятельности. Ошибки в исчислении стоимости основных фондов явились удобным и неоспоримым доказательством. В экономической печати появилась серия статей, в которых приводились факты огромного расхождения между оценкой стоимости машин и оборудования в балансах предприятий и по текущим ценам. Работник ЦСУ СССР Черкасский засыпал секретаря ЦК ВКП(б) А. Андреева записками с хорошо обоснованной критикой состояния оценки основных фондов в СССР. К его чести, он видел в этом результат недобросовестности руководителей ЦСУ СССР, а не их вредительства. В НКВД, видимо, считали иначе, и всех их расстреляли. Судьба самого Черкасского мне не известна. Его имя в печати я не встречал. Важно то, что с оценкой основных фондов ничего не изменилось. В 30–40-е годы восстановительная стоимость основных фондов отличалась от балансовой, видимо, в несколько раз, и это был худший результат в мире среди 27 стран, производивших такие исчисления.

Лишь в 1960 году советское руководство решилось на проведение инвентаризации основных фондов. В эту грандиозную работу были вовлечены сотни научно-исследовательских и проектных институтов. При определении аналогов огромного числа объектов основных фондов и пересчете их стоимости ошибки были неизбежны. Они усугублялись обычной безответственностью, халатностью и бесконтрольностью. Полученный результат заметно улучшил оценку основных фондов, но их отрыв от балансовой, как показали исследования выдающегося советского экономиста Я.Б. Кваши, оставался немалым. Потом были еще две переоценки, но их качество было намного хуже. Инфляция в СССР в 60–80-е годы, после перерыва в 50-е годы, снова возобновилась, а с ней усилились и неточности в оценке основных фондов. В то же время ушли из жизни выдающиеся советские экономисты и статистики С.Г. Струмилин, Л.А. Вайнштейн, В.А. Соболев, Я.Б. Кваша, которые хорошо понимали пагубное влияние ошибочной оценки основных фондов на оценку состояния экономики. Некому стало тревожить ЦСУ СССР и другие высшие экономические органы по этому вопросу. Они и не тревожились [10].

Столь длинный экскурс в историю вопроса об оценке основных фондов понадобился мне для того, чтобы показать, какие глубокие корни имеет в нашей стране эта проблема. Мы начали систематические исчисления в этой области для современной России с промышленности. По необходимости излагаю методику и ход расчетов сильно упрощенно. Для определения восстановительной стоимости основных фондов мы главным образом использовали соотношение между объемом капитальных вложений в отрасль промышленности и вводом производственных мощностей (по данным статистических справочников). Это позволило определить совре-

менную стоимость единицы производственной мощности и затем по ее величине оценить всю стоимость основных фондов в важнейших отраслях промышленности. Затем пришла очередь других отраслей экономики. Здесь при отсутствии или сомнительности таких данных наряду с этим методом мы широко использовали другие источники, прежде всего сообщения экономической печати о стоимости и производственной мощности конкретных объектов. Так мы пересчитали основные фонды сельского хозяйства, железнодорожного транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, оптовой и розничной торговли, общественного питания – практически все отрасли, кроме строительства, образования, здравоохранения и военного имущества. По каждой отрасли определялось соотношение между восстановительной и балансовой (ее называют в статистике учетной) стоимостью основных фондов. С учетом удельного веса этих отраслей в общей стоимости основных фондов исчислили среднее отклонение между восстановительной и учетной стоимостью. С нашей экспертной существенной поправкой на разницу в качестве старых и новых производственных мощностей мы получили для 2001 года разницу между восстановительной и учетной стоимостью основных фондов в 8 раз (!). Проверили этот результат контрольными методами.

Очень сложно было оценить влияние заниженной оценки основных фондов на исчисление величины износа. Не отвлекаясь за недостатком места на изложение метода, скажу только, что величина износа заметно выросла.

Даже квалифицированным экономистам потребуется огромное количество времени на проверку наших результатов. Придется прочитать все наши работы и проверить все исходные данные. Поэтому предлагаю простой путь для самой общей оценки их достоверности. Всемирный банк проделал расчет стоимости национального богатства 120 стран мира за 2005 год на основе данных национальных статистик с разбивкой по доле отдельных категорий фондов в общей их стоимости по каждой стране. Выделились и основные фонды. Основные фонды России оказались в 16 раз меньше основных фондов США. С учетом того, что в России основные фонды показываются по полной стоимости, а не остаточной, как во всем остальном мире, а уровень их износа, по нашим расчетам, превышает 60 %, разница составляет уже около 50 раз, чего не может быть, потому что не может быть никогда: с учетом разницы в объеме ВВП и структуры экономики разрыв мог быть максимум в 6–7 раз. Получается, что основные фонды в РФ недооценены в те же 7–8 раз. Беглый взгляд на данные об объеме основных фондов с точки зрения их соответствия экономическому положению различных стран создает впечатление, что статистика РФ самая недостоверная из всех 120 стран. Здесь, конечно, требуется более тщательный анализ. Но если окажется, что

это так, удар по престижу России окажется огромным. Уровень статистики – важнейший показатель цивилизованности страны. Заметим, что в XIX веке и в первой половине XX века статистическая оценка национального богатства почти точно соответствовала уровню экономического и культурного развития отдельных стран.

Теперь были все необходимые данные для расчета динамики основных фондов с использованием официальных цен на инвестиционные товары, которые, как мы убедились, были относительно достоверными. Полный расчет динамики основных фондов за 1991–2015 годы с годовой разбивкой мы закончили только в 2016 году, до этого мы вели примерные расчеты по большим периодам. Признаюсь, полученный результат даже нас несколько удивил. Сразу хочу подчеркнуть, что он не претендует на абсолютную точность, таких вообще макроэкономическая статистика не знает, но в его объективности мы уверены. Объем основных фондов по остаточной стоимости с учетом износа сократился по сравнению с 1991 годом, по нашим расчетам, примерно в 2 раза (намного больше, чем в Великую Отечественную войну!), в то время как статистика Росстата говорит о его росте на 51 % по полной стоимости без учета износа. Росстат, в отличие от других стран мира, все расчеты этого показателя ведет без учета износа. Разница грандиозная. Весь этот период основные фонды ежегодно сокращались: быстрее в 90-е годы, медленнее в 2001–2015 годы, когда для капитальных вложений сложились более благоприятные условия. Благодаря огромному росту мировых цен на нефть сильно выросли и капиталовложения. Но и этого оказалось недостаточно для возмещения износа основных фондов. К сожалению, у нас не хватило сил для отдельного расчета динамики основных фондов в сфере товаров и услуг. Очевидно, что они были различными, поскольку в сфере рыночных услуг они значительно выросли.

Ситуация с основными фондами объясняет происходящее сейчас в российской экономике, и именно этот аспект прошел мимо внимания властей и основной части научно-экономического сообщества, ибо они ориентируются на официальные данные Росстата, которые показывают очень значительное недоиспользование производственных мощностей в промышленности. При этом совершенно не учитывается ни их состояние, ни востребованность. Для меня неизбежность длительного экономического кризиса в России была очевидна уже в середине 2000-х годов именно потому, что я видел реальное положение с основными фондами. Вспоминаю разговор с довольно квалифицированным новосибирским экономистом осенью 2008 года, в разгар тогдашнего кризиса. Он был уверен, что кризис продлится полгода, максимум год; я утверждал, что он продлится 10–12 лет. Мне смешно и грустно слышать сейчас уверения ряда прави-

тельственных деятелей и именитых экономистов о возможности достижения ежегодных темпов роста в 3–4 % и даже 7–8 %. Это является свидетельством их вопиющей некомпетентности из-за слепого доверия к официальной статистике.

Изменение в оценке основных фондов вносит коренное изменение в оценку финансового положения отраслей экономики и предприятий. Мы проводили много расчетов по финансово-экономическим показателям ряда отраслей экономики для начала и середины 2000 годов с оценкой основных фондов по восстановительной стоимости. При этом учитывали размер теневой экономики. Оказалось, что в отраслях реальной экономики показатели значительно ухудшались по сравнению с официальными, а в сфере рыночных услуг, как и следовало ожидать, радикально улучшались. Неизменно убыточными оказывались многие отрасли промышленности (а в период низких цен на нефть и вся промышленность), сельское хозяйство, железнодорожный транспорт. Зато многие отрасли рыночных услуг оказывались фантастически доходными. Приведу для иллюстрации данные по отрасли общественного питания. Ее прибыль до уплаты налогов, по нашим расчетам, преуменьшалась в 21,2 раза, а после уплаты налогов – в 45,2 раза, рентабельность активов с учетом прибыли после уплаты налогов (по отношению к стоимости основных и оборотных фондов) вместо 2,8 % оказалась равной 23 %. Как говорится, комментарии излишни. Такое же положение по розничной и оптовой торговле. Наши бизнесмены, отдадим им должное, в 90-е и в первой половине 2000-х годов, не заглядывая в статистические справочники и не проводя альтернативных оценок, валом валили в сферу рыночных услуг и игнорировали почти все отрасли реальной экономики. Поэтому рестораны, кафе и магазины открывались тогда один за другим, а тысячи промышленных предприятий закрывались.

К совершенно трагическим последствиям приводит незнание реального положения дел в сфере налогообложения, где преобладает уравнительный подход. В реальном секторе налоговое бремя оказывалось совершенно непосильным, губило его. В сфере же рыночных услуг налоги преуменьшались в десятки раз.

Наряду с объемом и динамикой основных фондов мы много усилий потратили на альтернативную оценку динамики ВВП и продукции отдельных отраслей экономики. Здесь результаты оказались менее сенсационными, но всё же значительными. Начну с ВВП. По нашим расчетам, он до сих пор не достиг уровня 1991 года, в то время как Росстат показывает превышение его уровня на 13 %. Отставание от уровня 1987 года, конечно, еще больше. При этом в 90-е годы Росстат даже несколько переоценивал величину спада ВВП из-за недоучета теневой экономики. В то же время в

1998–2007 годы прирост ВВП сильно преувеличивался: вместо 82 % он оказался равным 48 %. Подъем в 2000-х годах помимо роста цен на нефть объяснялся наличием больших резервов производственных мощностей и рабочих, образовавшихся в 90-е годы.

По-разному вели себя (в сравнении с официальными) отраслевые индексы продукции: в сфере реальной экономики они Росстатом преувеличивались, в сфере рыночных услуг значительно преуменьшались.

При оценке динамики факторов производства мы уточнили динамику занятости, включив в нее нелегальную занятость, что позволило объективно оценить динамику факторов производства в постсоветский период. Производительность труда (выработка на одного работника) снизилась на 30 % вместо роста на 9 % по данным Росстата. Здесь, конечно, сказан учет нами нелегальной занятости и, возможно, структурные сдвиги. Но главный фактор – это снижение фондовооруженности на 45 % вместо роста на 45 % по данным Росстата. В то же время очень сильно выросла фондоотдача (на 80 %) вместо падения на 25 % по данным Росстата. Этот прекрасный результат явился следствием двух факторов. Прежде всего, с переходом к рыночной экономике в ряде отраслей действительно улучшилось использование основных фондов, плохо использовавшихся в советской экономике. Другой фактор – это изменение структуры экономики. В общем объеме основных фондов значительно выросла доля малофондоёмких отраслей, прежде всего сферы рыночных услуг. Не склонен целиком считать это недостатком. Сфера услуг в СССР действительно была очень слабо развита, и ее следовало развивать быстрее сферы производства товаров. Не может не радовать появление массы новых предприятий розничной торговли и общественного питания, других отраслей этой сферы. Это привело к значительному улучшению обслуживания населения, обеспечению его новыми услугами (например, туристическими и оздоровительными). Вопрос в том, не превышает ли сейчас размер этой сферы возможностей экономики. Уже сейчас, судя по разговорам с руководителями предприятий этой сферы, она далеко не так прибыльна, как в начале века. Многие предприятия общественного питания приходится закрывать [10].

Полученные нами данные позволяют сделать важные выводы относительно необходимой экономической политики. Прежде всего установленное нами огромное сокращение основных фондов показывает, какие опасности здесь кроются для экономики. Не только нельзя рассчитывать на какой-нибудь экономический рост, но очень велика опасность его сокращения в будущем по мере дальнейшего сокращения основных фондов. Это обстоятельство из-за отсутствия необходимых данных совершенно не учитывает российское руководство. Мы подсчитали, какие необходимы вложения в российскую экономику, чтобы обеспечить средний для мировой

экономики ежегодный рост ВВП в 3 %, который позволит лишь сохранить ее место в мировой экономике, очень сильно упавшее в постсоветский период. Оказалось, что объем капитальных вложений необходимо увеличить примерно в три раза. Конечно, по-другому сложится положение с источниками роста, если мы сделаем упор на привлечение иностранного капитала. Но это потребует огромных изменений в экономической политике и политике вообще, в менталитете населения.

Эхо «Лукавой цифры»-2

С 1997 года мы опубликовали по теме альтернативных оценок российской экономики около 30 статей в наиболее авторитетных отечественных журналах. Для их популяризации издали в виде учебного пособия книгу в трех выпусках, разосланную в крупнейшие библиотеки РФ. Я дал довольно много интервью. Каков же был эффект в России и за рубежом? Рассмотрение этого вопроса и сравнение с реакцией на «Лукавую цифру» многое расскажет о нынешней социальной системе в РФ и ее отличии от советской. Рассмотрю реакцию государства, общества, предпринимательского и научно-экономического сообществ, интеллигенции.

Государство – самая влиятельная сила в нашей стране. Начну с положительного. В СССР даже в самых доброжелательных научных журналах приходилось изощряться в зашифровывании статей, чтобы их не зарезала цензура, и долго дожидаться публикаций (первая появилась через восемь лет после получения результатов). Теперь имею возможность публиковать всё открытым текстом почти сразу после получения результата. Но не забудем и другого: несравненно слабее стало воздействие печатного слова. Одно дело статья в журнале с тиражом в 1,2 миллиона экземпляров, как «Новый мир» в 1987 году. Другое – публикация тиражом в сотни и тысячи раз меньше, как сейчас.

Намного хуже с востребованностью. Правда, ее не было и в СССР до перестройки. Но если тогда мои обращения могли восприниматься как чудачества неизвестного провинциального экономиста, то с конца 80-х годов я был очень популярен даже в глухих уголках страны. С реакцией российского государства я впервые столкнулся в середине 90-х годов. Тогда меня свели с помощником Президента РФ по экономике Александром Лившицем. Принял радушно: «Давно мечтал о встрече». С интересом выслушал мое предложение о создании центра альтернативных оценок российской экономики: «Борис Николаевич беспокоится о достоверности экономической информации». Погрустнел, когда узнал, что от государства потребуется 20 тысяч долларов в год: «Таких денег у нас нет». (Государство тогда швырялось миллиардами долларов в пользу близких лиц.) И ведь человек был хороший: интеллигентный, квалифицированный, совестливый.

На несколько писем в адрес правительства и Министерства финансов не получил ответа, даже отписки. Многочисленные статьи игнорировали. Ну ладно, первые лица, не в пример Ленину и Сталину, журналов не читали, но ведь у них были помощники, обязанные их читать. Положим, президент РФ может и не разбираться в тонкостях экономики. Но премьер-министр занимается преимущественно экономикой и тоже имеет помощников и даже заместителей специально по экономике. И они не заинтересовались.

Благодаря настойчивости моего московского друга весной 2006 года удалось встретиться с заинтересовавшимся моими трудами главой Счетной палаты РФ, которую некоторые тогда считали вторым правительством, Сергеем Степашиным. Пригласили выступить на коллегии Счетной палаты. Степашин тоже встретил приветливо: «Читал “Лукавую цифру”». Аудиторы и работники аппарата Счетной палаты слушали очень внимательно мое 45-минутное выступление, в котором излагались цифры и мои выводы. Было много вопросов, очень толковых и квалифицированных. Степашин, получив мое согласие, поручил своему помощнику оформить мое членство в Экспертном совете Счетной палаты. На этом всё и закончилось. Удостоверение я так и не получил. Зная о дружбе Степашина с Путиным, подготовил краткое изложение своего выступления с главными выводами. Через пару месяцев Путин в одном из своих выступлений заговорил о лукавых цифрах. Мои друзья сразу решили, что меня скоро пригласят в Кремль. Пришлось их разочаровать: таких, как я, в Кремле не держат.

Осенью 2008 года на пике кризиса пригласил встретиться Борис Грызлов. Тоже встретил приветливо. Внимательно с тремя помощниками и заместителем Председателя Совета Федерации Светланой Орловой (ныне губернатором Владимирской области) меня слушал. Что статистика врет, как я понял, не было для него неожиданностью. Удивился только размерам занижения стоимости основных фондов. Помощники задавали толковые вопросы. Дружески расстались. Вскоре пригласили писать записки на имя Грызлова с анализом текущего экономического положения. Две написали, еще одну отдельно по импортозамещению. Говорили, что Грызлов их внимательно и заинтересованно читал. Потом гонорар, и без того скромный, выплатили в половинном размере. Возмущенные, прекратили писать. Никто, кроме моего друга, об этом не пожалел. На этом мои контакты с властью закончились. И с исполнительной, и с законодательной. Ни они меня не беспокоили, ни я их [10].

Сравнивая с советским временем, следует иметь в виду, что тогда экономикой управляли люди с большим практическим опытом работы, начинавшие нередко с самых низов. Они знали цену различным цифрам,

нередко сами их «делали». Нынешние руководители, как правило, такого опыта не имеют, цену цифрам не знают. Ориентируются преимущественно на стоимостные показатели, которые больше всего и врут.

Отдельный разговор о реакции Росстата – непосредственном виновнике «Лукавой цифры»-2. И здесь есть изменения к лучшему. Росстат, в отличие от ЦСУ, старается избегать обвинений в клевете. Предпочитает делать вид, что нас не существует. Лишь в крайне редких случаях, когда наши оценки становятся хорошо известными, относительно вежливо, но без доказательств их отвергает. Журнал «Вопросы статистики», учредителем которого является Росстат, до 2014 года довольно часто публиковал наши статьи, иногда очень резкие по отношению к официальной статистике. Здесь хочу отметить профессиональную и гражданскую позицию его главных редакторов – покойной Н.В. Никулиной и нынешнего Т.В. Рябушкина. Им, наверное, пришлось из-за нас претерпеть немало неприятностей от учредителя.

Лишь однажды, после нашей резкой статьи во влиятельном журнале, где мы обвиняли Росстат в нежелании считаться с нашими оценками, предложили выступить перед Научно-методологическим советом Росстата. Зная нравы наших учреждений, мы предложили сначала создать экспертную комиссию по изучению наших работ. С этим разумным предложением Росстат не согласился под предлогом отсутствия средств [Там же].

Летом 2007 года мы обратились ко всем ведущим политическим партиям России, предлагая за очень умеренную плату информацию о реальном экономическом положении России. Откликнулась только партия «Яблоко», поблагодарив за внимание. Далее дошла очередь до ведущих печатных СМИ различной политической направленности. Хотя бы для тиража постарались, если общество безразлично. Никто не откликнулся.

Предпринимательское сообщество, казалось бы, больше всего заинтересовано в объективных оценках. Как без них определить экономическое положение своих предприятий? Особенно это относится к оценке основных фондов. Из приведенных выше данных об огромной ошибочности оценок основных фондов, преимущественно в хозяйственном (а не бюджетном) секторе, видно, что предпринимательское сообщество в целом этой простой мысли пока не понимает. Это является лучшим доказательством того, как оно далеко от нормальной капиталистической практики.

Научно-экономическое сообщество – вот уж кто должен добиваться от властей достоверной статистики и само стараться изо всех сил ее получить. Ведь без достоверных цифр анализ экономики становится невозможным, как и выводы из него для экономической политики. И что же? Желających заняться альтернативными макроэкономическими оценками оказалось ничтожно мало. Они еще встречались в 90-е годы, но в

2000-е годы, за одним исключением, исчезли. Экономисты предпочитали пользоваться оценками Росстата, не затрудняя себя вопросом об их качестве. Так спокойнее и труда не требует. Лишь оценка динамики основных фондов привлекла внимание. Появились три альтернативные оценки, очень близкие к оценкам Росстата. Причина очевидна: в них совершенно не учитывалась восстановительная стоимость основных фондов. Это фундаментальное статистическое понятие вообще, кажется, исчезло из лексикона экономистов. В советское время его знало большинство экономистов, теперь вряд ли больше 5 %. Деграция коснулась и экономической науки, которая и в советское время не процветала в силу репрессий и идеологического контроля.

Ссылки на наши работы в ведущих отечественных журналах весьма редки. Правда, у меня всё еще высокий индекс цитирования, но преимущественно за счет периферийных журналов. Даже при оценке советской экономики предпочитают ссылаться на ЦРУ. Печатают, правда, охотно: то ли ценят, то ли импакт-фактор улучшают. Всё же пассивный интерес к альтернативным оценкам сохраняется.

Интеллигенция. В советское время, особенно в период перестройки, лучшая ее часть была граждански активной. Состояние экономики волновало, отсюда огромный интерес к моим выступлениям и в Москве, и в Новосибирске, огромный интерес к «Лукавой цифре». Теперь он пробуждается лишь в период острейших экономических кризисов, например, 2008 года, но потом снова исчезает. Не могу забыть мое выступление то ли в 2002-м, то ли в 2003 году в Новосибирском университете, на экономическом факультете которого работали преподавателями многие мои бывшие студенты. Когда я увидел, что пришли *три человека*, у меня слезы появились на глазах [10].

Заметно изменилась реакция на наши публикации зарубежной научной общественности. Здесь следует иметь в виду, что в постсоветский период интерес к исследованиям российской экономики по сравнению с советской экономикой сократился радикально. Тогда речь шла об экономике главного соперника Запада, теперь о стране, доля которой в мировой экономике меньше 2 %. Всё же сохранились десять-двадцать экономистов, которые Россией продолжают заниматься. Из них регулярно пишет о наших оценках только почетный профессор Амстердамского университета и профессор Кембриджского университета Майкл Элман. Остальные используют оценки Росстата, альтернативными оценками российской экономики почти не занимаются. Только пару лет назад появилась квалифицированная статья двух нидерландских экономистов, где был произведен альтернативный расчет основных фондов СССР и России за очень длительный период. Он показал, что в постсоветский период произошло сокращение основных фондов, хотя и в намного меньших размерах, чем в

наших расчетах. Я бы совсем приуныл, если бы из блога Елены Лариной не узнал, что в прошлом году группа американских экономистов по заданию Конгресса США провела анализ оценок состояния экономики в РФ и в других странах [4]. Они признали наиболее точными оценки Ханина и его группы.

Почему жива «Лукавая цифра»?

Вывод из сказанного грустный. Проходят годы и десятилетия, меняются социальные системы и вожжи, а статистика как врал, так и врет, и конца этому не видно. В чем же дело? Проще всего в этом обвинить статистическую службу. Но если в советское время она все-таки была подневольной, выполняла повеления власти, то в постсоветский период ее возможности выросли. Почти уверен: власть не дает прямых указаний врать. Но появились новые проблемы. Возникла огромная теневая экономика, показатели которой трудно установить. Исчезла серьезная ответственность за ложную отчетность, которая была в советское время, поэтому много лжи идет от предприятий. Работа в статистической службе не престижна и плохо оплачивается. Читатель поразится, но подавляющее большинство работников статистических органов не имеет специального образования. Выдающихся экономистов, сравнимых, скажем, с Николаем Осинским начала 30-х годов и Владимиром Кириченко конца 80-х годов, во главу нынешней статистической службы не ставят.

Главная вина лежит на центральной власти, а ее характер, цели и интеллектуальный уровень слабо меняются. Она лжет часто даже во вред своим долгосрочным интересам. В то же время давление на нее со стороны незначительно, особенно в 2010-е годы. Деградация охватила не только власть, но и общество. Видимо, страну пробудит только глубочайший кризис. Он, на мой взгляд, неизбежен, если не случится чуда. Но не будет ли поздно?

Литература

1. *Дзарасов С.С.* Предисловие // Кейнс Д. Впечатления о советской России. Должно ли государство управлять экономикой? – М.: Алгоритм, 2015. – С. 5–54.
2. *Князевский В., Козлов Т., Шеремет Н.* По поводу лукавой статьи о цифрах // Вестник статистики. – 1987. – № 6. – С. 53–60.
3. *Королев М.* Задача перестройки статистики // Вестник статистики. – 1987. – № 4. – С. 3–12.
4. *Ларина Е.Г.* Ханин о прошлом и будущем российской экономики [Электронный ресурс] // Блог HRазведка. – 23 июля 2015 г. – URL: <http://hrazvedka.ru/guru/g-xanin-o-proshlom-i-nastoyashhem-rossijskoj-ekonomiki.html> (дата обращения: 18.04.2018).

5. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. – 1987. – № 2. – С. 181–201.
6. Селюнин В., Ханин Г. Статистика знает все? // Новый мир. – 1987. – № 12. – С. 255–257.
7. Ханин Г.И. Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка // Коммунист. – 1988. – № 17. – С. 83–90.
8. Ханин Г.И. Советский экономический рост: анализ западных оценок. – Новосибирск: Экор, 1993. – 156 с.
9. Ханин Г.И. Надо ли защищать советскую экономику лукавыми цифрами? // Terra Economicus. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 18–26.
10. Ханин Г.И. Лукавая цифра вчера и сегодня [Электронный ресурс] // Семь искусств. – 2016. – № 12 (81). – URL: <http://7iskusstv.com/2016/Number12/GHanin1.php> (дата обращения: 24.05.2018).
11. Ханин Г.И. Нерентабельность лжи. «Лукавая цифра»: 30 лет продолжения // Знамя. – 2017. – № 8. – С. 170–183.
12. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Постсоветское общество и российская экономическая статистика // Мир России. – 2017. – № 2. – С. 62–81.
13. Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе: перестройка экономики в СССР. – М.: Изд-во АПН, 1989. – 400 с. – (Библиотечка АПН).
14. An evaluation of the CIA analysis of Soviet economic performance, 1970–90: survey article / D.M. Berkowitz, J.G. Berliner, P.R. Gregory, S.J. Linz, J.R. Miller; HP-SCI Review Committee // Comparative Economic Studies. – 1993. – Vol. 35, iss. 1. – P. 33–57.
15. Revisiting Soviet economic performance under Gorbachev: implication for CIA estimates / Directorat of Intelligence. – Washington, D.C., 1988. – 23 p.
16. Ericson R.E. The Soviet statistical debate: Khanin versus of TSU // The Impoverished Superpower Perestroika and the Soviet Military Burden / ed. by H.S. Rowen, Ch. Wolf, Jr. – San Francisco, 1990. – P. 63–92.
17. Nove A. Has Soviet economic growth ceased? // Manchester Statistical Society Lecture. – 1983, November 15.

Статья поступила в редакцию 10.11.2017 г.

Статья прошла рецензирование 21.11.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-139-163

"THE CRAFTY FIGURE": 30 YEARS LATER

Khanin Grigory,

Dr. of Sc. (Economics), Professor,

Professor of the Siberian Institute of Management –

the branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

6, Nizhgorodskaya St., , Novosibirsk, 301026, Russian Federation

khanin@yandex.ru

The article is dedicated to the bright memory of Vasily Selyunin.

Abstract

The article combines research on state statistics of the USSR and the Russian Federation and the author's memories of the society's reaction to the work of the author and his colleagues in the alternative assessment of macroeconomic indicators of the economy of the USSR and Russia. The article by V. Selyunin and G. Khanin "The Crafty Figure", published in the February issue of "Novy Mir" magazine in 1987, was a real shock to millions of Soviet people. In this paper, the author returns to the problem of statistics distortion in the Soviet and post-Soviet years, focusing on the huge distortions of the results and factors of the economic development of the USSR during 1928-1987 period by the Soviet economic statistics. The author describes the reaction to the "Crafty Figure" of the statistical service, the scientific community and the population of the USSR, as well as foreign economic Sovietologists, the Central Intelligence Agency of the United States. The author criticizes S.C. Dzarasov's evaluation of the debate in the United States around the "The Crafty Figure" as the proof of the correctness of the estimates of the Central Statistical Administration of the USSR.

The author shows that the quality of economic statistics in the Russian Federation has not improved compared with the Soviet period, and the cost and dynamics of fixed assets, natural indicators of production, financial indicators, employment have even significantly worsened. The article presents the results of alternative assessments of the economic development of the Russian Federation for the 1992-2015 period. The author and his colleagues received these estimates using a different methodology than similar estimates of the Soviet period. The results of the calculations of recent years allow us to conclude that real economic indicators are much worse than those published by the Federal State Statistics Service: the dynamics of GDP and the output of the real economy, labor productivity, and the dynamics of fixed assets. The author also analyzes the reaction of the statistical service of the Russian Federation and the executive authorities, the scientific and economic community, the media, the population of the Russian Federation, Western economists and research centers to this research on alternative assessments of the post-Soviet period, conducted by the author and his colleagues. The author

explains the reasons for the difference in the reactions during the Soviet and the post-Soviet periods.

Keywords: USSR economy, Russian economy, USSR statistics, RF statistics, distortions of macroeconomic statistics in the USSR and Russia.

Bibliographic description for citation:

Khanin G. "The crafty figure": 30 years later. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 1, pp. 139–163. doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-139-163.

References

1. Dzarasov S.S. Predislovie [Foreword]. Keynes J. *Vpechatleniya o sovetskoi Rossii. Dolzno li gosudarstvo upravlyat' ekonomikoi?* [Impressions of Soviet Russia. Should the state manage the economy?]. Moscow, Algorithm Publ., 2015. P. 5–54. (In Russian).
2. Knyazevskii V., Kozlov T., Sheremet N. Po povodu lukavoi stat'i o tsifrah [About the sly article about figures]. *Vestnik statistiki – Bulletin of Statistics*, 1987, no. 6, pp. 53–60.
3. Korolev M. Zadacha perestroiki statistiki [The task of restructuring statistics]. *Vestnik statistiki – Bulletin of Statistics*, 1987, no. 4, pp. 3–12.
4. Larina E.G. Khanin o proshlom i budushchem rossiiskoi ekonomiki [Khanin about the past and future of the Russian economy]. *Blog HRazvedka*, July 23, 2015. Available at: <http://hrazvedka.ru/guru/g-xanin-o-proshlom-i-nastoyashhem-rossijskoj-ekonomiki.html> (accessed 18.04.2018).
5. Selyunin V., Khanin G. Lukavaya tsifra [A crafty digit]. *Novyi mir*, 1987, no. 2, pp. 181–201.
6. Selyunin V., Khanin G. Statistika znaet vse? [Statistics knows everything?]. *Novyi mir*, 1987, no. 12, pp. 255–257.
7. Khanin G.I. Ekonomicheskii rost sovetskoi ekonomiki: al'ternativnaya otsenka [The economic growth of the Soviet economy: alternative estimates]. *Kommunist*, 1988, no. 17, pp. 83–90.
8. Khanin G.I. *Sovetskii ekonomicheskii rost: analiz zapadnykh otsenok* [Soviet economic growth: an analysis of the Western estimates]. Novosibirsk, Ekor Publ., 1993. 156 p.
9. Khanin G.I. Nado li zashchishchat' sovetskuyu ekonomiku lukavymi tsiframi? [Whether Soviet economy needs to be protected by the crafty figures?]. *Terra economicus*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 18–26.
10. Khanin G.I. Lukavaya tsifra vchera i segodnya [The crafty digits yesterday and today]. *Sem' iskusstv*, 2016, no. 12 (81). Available at: <http://7iskusstv.com/2016/Number12/GHanin1.php> (accessed 24.05.2018).
11. Khanin G.I. Nerentabel'nost' lzhi. «Lukavaya tsifra»: 30 let prodolzheniya [Unprofitable lie. "A crafty digits": 30 years of continuation]. *Znamya*, 2017, no. 8, pp. 170–183.
12. Khanin G.I., Fomin D.A. Postsovetskoye obshchestvo i rossiyskaya ekonomicheskaya statistika. [Post-Soviet society and Russian economic statistics]. *Mir Rossii*, 2017, no. 2, pp. 62–81.

13. Shmelev N.P., Popov V.V. *Na perelome: perestroika ekonomiki v SSSR* [At the turning point: economic restructuring in the USSR]. Moscow, APN Publ., 1989. 400 p. *Bibliotekha APN*.

14. Berkowitz D.M., Berliner J.G., Gregory P.R., Linz S.J., Miller J.R. An evaluation of the CIA analysis of Soviet economic performance, 1970–90: survey article. HPSCI Review Committee. *Comparative Economic Studies*, 1993, vol. 35, iss. 1, pp. 33–57.

15. *Revisiting Soviet economic performance under Gorbachev: implication for CIA estimates*. Directorate of Intelligence. Washington, D.C., 1988. 23 p.

16. Ericson R.E. The Soviet statistical debate: Khanin versus of TSU. *The Impoverished Superpower Perestroika and the Soviet Military Burden*. Ed. by Henry S. Rowen and Charles Wolf, Jr., San Francisco, 1990, pp. 63–92.

17. Nove A. Has Soviet economic growth ceased? *Manchester statistical Society Lecture*, 1983, November 15.

The article was received on 10.11.2017.

The article was reviewed on 21.11.2017.